

Ровно столетие и еще десять лет назад, 9 февраля, умер Достоевский. День спустя, только на 44 года раньше, — Пушкин. Не просто две смерти случайно сошлись — две судьбы, две тайны, два пророчества закономерно соединились.

Если научный «индекс цитирования» применить к нынешней полемике на телеэкранах, в журналах и газетах, на митингах и в парадических залах, на одно из первых мест выйдут «Бесы» и Пушкинская речь — как раз те детища Федора Достоевского, кои в недавние еще времена нарекались яростными пасквилями на революционное движение, знаменами реакции и обскурантизма, были, по словам Н. Бердяева, «внесены в индекс книг, осужденных «прогрессивным» сознанием».

И это не случайно. Слово Достоевского о Пушкине, произнесенное к открытию московского памятника поэту, — и завещание нам, потомкам, и уникальный по глубине и завершенности, замкнутости в самом себе духовный мир гениального человека, выраженный через его понимание другого, созвучного ему национального гения. Двойная звезда, в которой не потеряна светосила и индивидуальность каждой из составляющих, но стократ увеличено сегодня их самосвечение среди других миров и вселенных. Звезда Достоевского заглянула от звезды Пушкина, которого он боготворил всю жизнь.

Конечно же, когда Достоевский схватывает внутреннюю связь между Алеко и Евгением Онегиным и изрекает пророческую мысль о русском скитальце, которому «необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится», его при этом мучит собственная дума, пронизывающая «Поэступление и наказание» и «Идиота», «Братьев Карамазовых» и «Бесов». О том, стоит ли идея всемирного счастья, торжества справедливости хотя бы одной жизни, хотя бы одной детской слезы.

«Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского — интеллигентного общества, то все равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верою на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного».

Все это извлечено из пушкинских глубин. Но от строк «Цыган»:

«Оставь нас, гордый человек; Мы дики, нет у нас законов,

Мы не терзаем, не казим», — пролегал прямая стезя уже к личному кредо Достоевского, к тому месту Слова, где его мысль достигает максимальной концентрации: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не в тебе правда, а в тебе самом, найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не в тебе и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя, — и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостойн, зlobен и горд, и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить».

Именно за эту позицию в свое время Достоевский был причислен к лику великих мечтан (заодно со Львом Толстым за его непротивление злу насилием). Сейчас маятник восприятия проповедей Достоевского и Толстого качнулся в иную сторону. То мы не хотели распознать глубинный их смысл, веру в могущественные потенции человеческого духа, без осуществления которых действительности невозможны ни общечеловеческое счастье, ни элементарная социальная справедливость. То теперь снова уверовали, что возможно возвести Храм всеобщего счастья самопостроением собственной души.

Да, если справедливость в мире берется вершить по своему

миропониманию примитивные, злые, душевно незрелые люди, то самые чистые идеалы оборачиваются морями крови. Но в силах ли самые чистые, самые великие души, все знающие, все понимающие, победить внешнее зло только «собственным трудом над собою»? История уже не раз разрушала эту иллюзию.

Достоевский отказывает типу, племени людей, возмечтавших о завоевании счастья для человечества, в праве на самостоятельность, самобытность, крайнюю их внутреннюю мира: они ищут правду вне себя, «может быть где-то в других землях, европейских, например, с твердым историческим строем, с их установившеюся общест-

роческий роман Достоевского, — о круговой поруке бездуховной стабильности, проявляющей себя всякий раз, когда человеку предстоит сделать выбор между свершением зла и сопротивлением злу. Над ним довлеет роковой долг, могущий толкнуть, даже если сам человек не преступник, на любое преступление или молчаливое согласие с преступлением.

«Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понимается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей... Высшие способности... изгоняют или казнят... Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свобо-

ления, созидание «разумного, доброго, вечного» в хаосе сегодняшних наших трагедий, тревог, поисков и надежд.

Не выдерживает испытания временем и отождествление всей революции с «бесовским» началом, хотя в нынешних публицистических перепалках такой стереотип и становится расхожим. В равной степени несправедливо поголовное приписывание людей Октября или их идейных противников то к «ангелам», то к «бесам». Как, кстати, и деление нынешних политических деятелей на «чистых» и «нечистых» лишь по старому, как мир, принципу: вы не знаете, наша партия за чуму или против?

Посмотрите, с какой лобовой целенаправленностью идут сейчас в некоторых изданиях атаки против Луначарского. Что-то нечестное, «бесовское» есть

в выводах, вывод же о мессианской роли русского народа Достоевский делал из двух предположений. Из мысли о всемирной восприимчивости России и из преобладания общенационального единства над межсловесными противоречиями. «Либеральничание с оттенком европейского социализма», которому «придан благодушный русский характер», неизбежно, по его утверждению, завершится ударом в запоротую дверь.

Если бы это было абсолютной истиной, навряд ли Россия на старте XX века прошла через свои революции, ибо идея гражданского мира на какой угодно, и прежде всего на национальной основе, всегда приоритетно привлекательна для большинства населения. Сейчас многим думающим и пишущим дело представляется так, будто революцию навязала русскому народу фана-

це концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Тому, кто действительно хочет утвердить в жизни духовное начало, на всеобщую любовь рассчитывать не приходится. Истинные пророки понимают, что они идут на победные камнями, на плаху и на крест. На этом-то и спекулируют «бесы», выдавая себя за пророков, ничего при этом не имея за душой, кроме опустошающего апофеоза разрушения: «...Надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим... Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затушится Русь, заплачет земля по старым богам...»

Ох, как же часто по этому сценарию Петра Верховенского разрывались события на разных широтах Земли в многострадальном нашем столетии! Силы, которые прежде напрягали сознание народа в самодержавно-административной узде, уже не в состоянии были это делать и старыми средствами, и просто по своему миропониманию, которое ничем не изменишь и лицом к изменившейся жизни не повернешь. То, что «пожар в умах, а не на крышах домов», губернатор Лембе из «Бесов» еще понять мог. Но ничего другого он предложить не в силах, кроме: «Арестовать мерзавца!» Впрочем, и арестовать он уже не в силах: кричал и жестокировал, и отдавал приказания, которых никто не исполнял. Вот тут-то и появляются «бесы» со своим Верховенским и со своими рецептами наведения нозогического порядка, а по сути — для спасения порядка старого, где есть «дамы и господа», но непременно есть и рабы.

Раздираемая внутренними и вселенскими противоречиями Россия на грани двух веков не готова была объективно, во всей полноте и глубине воспринять гениальные откровения и пророчества Достоевского. С одного полюса виделся он «больной нашей совестью», а с другого, где, казалось бы, написали имя его на своих знаменах, тоже звучали характеристики типа «он был шовинистом».

Сегодня, на новой грани веков, определяется наконец менее зависящий от сиюминутных общественно-политических страстей взгляд. И на утверждение, что Достоевский был «пессимистом» и «мизантропом», Юрий Карякин, например, отвечает: «Да здравствует солнце! да скроется тьма!» — под этими пушкинскими словами стоит подпись и Достоевского (они светили ему, когда он писал «Идиота», светили всегда). И нельзя же выдернуть из текста этого одно словечко — «тьма», да еще с восклицательным знаком, да еще прочитать весь текст так: «Да здравствует тьма!». Другое дело (и труднее), что мало кому солнце доставалось так дорого, как Достоевскому. Разве еще Гойе...»

И какой уж тут «шовинизм», когда, «чем могущественнее было жизнелюбие, жизнотворчество Достоевского, тем более чутким становился он и к смертельным опасностям для рода человеческого. И наоборот: чем очевиднее, ближе, страшнее становились эти опасности, тем больше находил он в себе и в людях, тем неистовее искал силы спасительные, силы сопротивления смерти».

Потому-то он один из самых мужественных людей в истории человечества, не признающий безвыходных ситуаций. Он не только гений предупреждения о смертельных опасностях, но и гений преодоления их, гений выхода, а не тупика».

Таким выходом из тупика стали и «Бесы», и Пушкинская речь. Да и в самой его смерти — семь месяцев спустя после этой речи, в канун даты смерти Пушкина, действительно есть некая магическая тайна выхода, связывающая эти две жизни с третьей — Блока, умершего спустя шесть месяцев после своей, тоже великой Пушкинской речи — «О назначении поэта». И последние стихи Блока — о Пушкине. Поистине: неисповедимы крестные пути отечественной поэзии и прозы сквозь трагическую судьбу Родины.

Ким СМЕРНОВ.

История. Судьбы. Опыт.

ЧТО НА БЕСАХ

Читая «Бесов» и Пушкинскую речь Достоевского через 110 лет после его смерти

венно и гражданское бытие». Мысль о случайности, странности на русской почве социализма, о некоей стоящей за ним «бесовской» силе была мучительной доминантой в его отношении к революции и революционерам и впоследствии была подхвачена и развита философами, публицистами, учеными, отрицающими не только революционное насилие, но и вообще революционное преобразование жизни.

При этом писателем действительно сказано много горькой правды о «бесовском» начале, сопровождающем любую революционную ломку реального мира. Жаль, что поколения русских революционеров не желали к этой правде прислушаться и вновь и вновь шли в тупики нечаянности, азевощины, сталинщины и всякой другой «бесовщины», произрастающей на почве, обожженной очистительным огнем революций.

Но все-таки есть и другая сторона истины. Не существовало в истории ни одного мирового учения, которое, неся в себе свет откровения, не было бы между тем и перепутан с темным и тьмой. На что уж христианство не предрасположено по законам своим к жестокости, но сколько насилия и горя оно осенило и благословило своим крестом. И Мефистофель, и Фауст живут как во «внутреннем», так и во «внешнем» человеке, как в совершеннейшем только себе, так и в преобразующем, переделывающем мир других людей. От многих внутренних и внешних причин и обстоятельств зависит, какое начало выходит на первый план, когда ударяет в свои колокола судьба.

В высших, мудрых проявлениях духа построение человеческого своего внутреннего мира не противоречит преобразованию мира внешнего. И одинаковую опасность беды несет подавление любого из этих начал. Опыт нашего духовного одичания в годы Сталина, когда «самоусовершенствование» было чуть ли не ругательным словом, и в годы Брежнева, когда много говорили о душевности, доверительности, но на самом деле уровень духовности, порядочности, нравственности резко пошел вниз... серьезное предупреждение на будущее.

Вселенная Достоевского настолько сжата до фантастического, взвешенного удельного веса, что не может — под гигантским внутренним самодавлением — не расширяться до размеров вселенной внешней. Порой это происходит с разрушительными стихийными взрывами, словно на грани разных погодных фронтов. Порой — с акварельной чуткостью и даже нежностью к острому внешнему миру. Как, например, в «Белых ночах», в восприятии героем пустынного Петербурга, его каналов, его домов. В этих пленительных картинах мерцает белая петербургская ночь и берет за душу человеческое одиночество, когда и поговорить-то не с кем, кроме как с домами. И у каждого дома — своя душа.

Без души — какой смысл и в этой жизни, и в этом мире? Без нее неизбежно утверждение в них «бесовского» начала. «Бесы» (и имя, и один из эпиграфов — второй из Евангелия от Луки — тоже взяты у Пушкина), может быть, самый про-

ды, ни равенства, но в стаде должно быть равенство».

Это Петр Верховенский. О теоретических изысканиях другого героя «Бесов» — Шигалева. Но последний хочет остаться «чистым теоретиком» и свои руки кровью не обгадить. И чуть ли не каждый из убийц в душе — против, интуитивно чувствуя, что его именно втягивают в кровавую круговую поруку. Но тем не менее каждый идет на это, как кролик — в пасть удаву.

Вот — самое страшное. Пророчески страшное, как и та легкость, с которой у нас в 30-е годы всенародно, на митингах и собраниях, толпою благословляли политические убийства. И не всегда ведь благословляли лишь под давлением страха. Чаще даже — под давлением стадного покаянного гражданского долга.

Максим Горький полагал, что государственным деятелям и правителям необходимо изучать «Бесов». Мысль, конечно же, дальновидная, если теперь, задним числом, проецировать философско-художественный узел, завязанный в романе, на то, что произошло с Германией при Гитлере и с Россией при Сталине. Не случайно так фанатично и настойчиво изымала из духовной народной жизни сталинская система эти страницы. Слишком очевидным обвинительным приговором ей было свершившееся пророчество гения.

И сегодня, может быть, об изучении романа государственным деятелями и правителями должна идти речь, а и о том, чтобы все мы задумались над вселенской загадкой: почему в смутные времена, «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины» с автоматической почти закономерностью вселяется в духовную жизнь людей эта чертовщина?

И ведь свойственна она не одному лишь из противоборствующих полюсов. Встречаемся мы здесь с явлением всеобщим. Но всеобщность эту слишком часто не хотим замечать, подчиняясь некоему закону сужения сознания только на точке зрения своего круга, своего направления. Совсем как у Чапека. Помните, у него редактор спрашивает: вот сообщают, бубонная чума; вы не знаете, наша партия за чуму или против?

Даже такое глубокое, объемное мышление, каким отмечены «Духи русской революции» Н. Бердяева, не в силах вырваться из гравитационного поля современных ему политических противостоятелей: «Сам Достоевский соблазнялся церковным национализмом, который мешал русскому народу выйти во всемирную ширь. Народопоклонство Достоевского потерпело крах в русской революции. Его полужителные пророчества не сбылись. Но торжествуют его пророческие прозрения русских соблазнов... Антихристианские духи революции родят свое темное царство».

Прежде всего так ли уж справедливы слова о том, что не сбылись положительные пророчества писателя? Опадет короста всяческих «измов», которым отдавали дань и сам Достоевский, и его критики слева и справа, и все чаще мы с удивлением начинаем различать в том, что еще вчера полагали «мракобесием» или «церковным национализмом», черты нынешнего всеобщего нового мыш-

во всех этих нынешних манипуляциях с историческими фактами, в выстраивании их в однозначную, заданную линию, в подстраивании фактов под собственные прокрустовы шаблоны. Именно так ведь и поступали «бесы» у Достоевского, насилая жизнь, идя на ложь ради подстраивания действительности под свои догматы.

И разве не по этим же шаблонам раскручивается сейчас шашвар вокруг личности и наследия Ленина? Бесы — всегда против гения. Характернейшая их черта во все времена, у всех народов: ненависть к неординарному, зоологическое неприятие таланта, затоптывание всего, что подымается над средним уровнем, в грязь, в пошлость.

Для Достоевского рациональное, научное объяснение мира упрощает, засучивает материально-духовное бытие людей: «Разум и наука в жизни науки всегда, теперь и сначала веков, исполняли лишь должностную второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силою иного... Эта сила есть сила неутомимого желания идти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни, как говорит Писание, «реки воды живой», иссякновением которых так угрожает Апокалипсис. Начало эстетическое, как говорят философы, начало нравственное; как отождествляют они же. «Искание бога» — как называю я всего прочее...»

Характерна эта оговорка о том, что объяснить силу, которую движутся народы, «всего прочее» словами: «искание бога». Сегодняшнее всеобщее покаяние перед религией не есть такое же упрощение сути духовности, как и слепая вера во всемогущее разумное. Достоевский, по сути, пророчески предсказал и господство рационализма науки в XX веке, и его крах в общественном сознании накануне нового тысячелетия. «Разум», «красота», «бог» — все это лишь символы «силы беспрерывного и неустанного подтверждения бытия и отрицания смерти». Каждый из них может послужить людям и их сообществам для выражения своих устремлений, идеалов, представлений о добре и зле. И тогда обретают смысл проекты разумного, на научных первоосновах, жизнеустройства человечества. И тогда: «Красота спасет мир». И тогда: «Цель всего движения народного... есть... искание бога».

Но горе людям, когда они возводят любой из этих символов в абсолют и пытаются подменить им более объемное, более всеобъемлющее духовное свое бытие. Тогда глубочайшая пропасть развращается между наукой и нравственностью. Тогда палачи, после заплочной своей работы, вдыхают тончайшие ароматы в вечерних садах искусства. Тогда именем бога зовут народы уйти от улучшения своими руками, своей волей и властью собственной судьбы или натравливают один народ на другой.

Ему не раз адресовали обвинения в шовинизме. Шовинизм Достоевского? Вся природа его творчества восстает против этого. Хотя — при желании — можно отыскать у него конкретные несправедливые суждения о тех или иных националь-

тичная кучка «узурпаторов власти». В таком случае трудно понять, почему история и великий народ в своей истории пошли именно этим путем — не за гениальными проповедями Достоевского и Льва Толстого, а за логикой Ленина.

Да, есть правда разгона Учредительного собрания. Правда расстрела царской семьи. Правда «красного террора» (как, впрочем, и белого). Но есть и правда того, что большевики в роковой, трагический час оказались силой, удержавшей — самими жестокими мерами — общество, изнутри разрываемое центробежными ураганскими «ударами в запорные двери», на краю пропасти. Кровь и жестокость да не имеют оправдания во веки веков. Но, и правда, да пребудет во веки веков полной, объемной, а не в одном плоском, черно-белом измерении.

Это особенно важно сегодня, когда пересмотр былых догматов культивируется на почве новой мировой ситуации, когда противостояние двух геополитических систем зашло так далеко, что поставило планетарную жизнь на грань самоуничтожения и сделало очевидным приоритет общечеловеческих ценностей над любыми другими — классовыми, сословными, национальными.

В нынешних условиях мысли Достоевского о всеобщности русского народа и посему — о приоритете в нем национального начала над сословными зазвучали и своевременно, и актуально. Но нельзя грубо выдирать их из исторической ткани своего времени и его духовной борьбы.

Если не брать в расчет эти двузвучие и для своего времени, и для грядущего, очень легко опуститься к утверждению — через упрощенного Достоевского — сегодняшнего великоросского и любого другого шовинизма, к отрицанию — его же именем — великого интернационального начала, которое вобрал в себя русский народ, идя по пути трех революций, и которое, не принимая сам этот путь, так пророчески предсказывал России Федор Достоевский: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъемлющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в кон-